

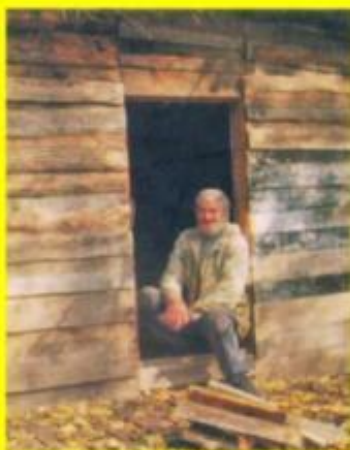
Op84
O-43
A-369003

Владимир
ОДНОРАЛОВ

Дерево бобра

и другие сказки
для детей всякого возраста

Владимир Одноралов

0957
0-43

0984

8452-100
6-45

Дерево бобра

и другие сказки
для детей
всякого возраста

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург
2017

а-369003

Мри сказки
о Злате

ЗЛАТА И ПОДСОЛНУХ

Подсолнух срезали на поле перед Елшанкой — и вот уже восемнадцатая минута пошла, как она зачарованно всматривается в него, а он в нее.

Злата всматривается в подсолнух, как в лицо нового человека! Злата — по-домашнему Лата — девочка девяти месяцев от роду.

Она ехала в Елшанку на богатой машине свата Михалыча, в собственном кресле, как барыня, и важно, со значением выговаривала изобретенные на этой неделе слова: «Та! Ай-та. Гу! Ай-гу!». Иногда просто восклицала: «И-и-й-а!». Это означало радование жизни. Но по приезде дали ей в руки солнышко на шершавом стебле — и она смолкла. Вот уже двадцать минут всматривается в него, и то улыбается, как обычно улыбается маме, отцу, дедам и бабушкам; то становится вдруг строгой, словно подсолнух сообщил ей какой-то важный секрет про себя и про жизнь под солнцем.

Вот она сказала ему серьезно и нежно: «Т-та!». И потянулась к нему, целясь пальчиком в самый центр его золотой чашки. Но в миллиметре от него отдернула руку и посмотрела на нас, будто спросила: «Это можно? Это не горячо?» Мы закивали ей: «Можно! Не горячо!»

И она, облегченно вздохнув, испачкала наконец пальчик в золотой пыльце цветка.

Чтобы он постоял живым, сколько может, мы поставили его в тяжелую банку из-под сока и водрузили на шершавом столе под сиренью; пусть он, сколько сможет, следит чудной своей головой за солнцем. Но нам показалось, что

цветок следит за Латой, а Лата — за ним. Вот понесли ее к яблоне в углу нашего дворика показать, как наливаются яблоки, и он проследил за ней. А она из яблоневого угла нашла его взглядом и семафорила ему ручками. Вот отправили Лату с мамой в домик — подкормиться, и они снова переглянулись. А она еще и воскликнула: «И-и-йа!». Мол, скоро вернусь.

Сват Михалыч и бабушка Ольга ненадолго приехали. К вечеру Лату снова, как барыню, усадили в кресло и увезли. А подсолнух остался. Он будто запомнил, как переглядывались они в солнечном, веселом дворике. Как осторожно и с удовольствием пачкала она пальчики его пыльцой — и заскучал.

Я занес его в комнату, поставил поближе к окну и к иконе Богородицы и сказал: «Хорошо бы тебе достояться до следующего ее приезда. Интересно, узнает она тебя или нет?». И он стоял — тугой, живой и яркий. И ждал. Лата приехала только через две недели, и сразу узнала его, и потянулась к нему. На этот раз без опаски. Но соцветья уже не пачкали пыльцой, а три лепестка от Латкиного прикосновения вдруг отпали и упали, озадачив ее.

Но встреча все-таки была! Они снова следили друг за другом до самого ее отъезда. А когда Лата уехала, лепестки опали все, и цветок уснул и высох.

Конечно, у Латы в жизни будут еще целые поля подсолнухов и разных вообще цветов, но этот первый, сказавший ей что-то про себя и про жизнь под солнцем, — должен запомниться. Потому что первый.

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Когда Мария кормит Лату, то вокруг них образуется прямо какая-то благодатная тишина. Сами собой перестают стучать каблуки, не звякает посуда, не падают на пол книги. Никто не говорит друг другу: «Т-ссс!», все все делают молча, и даже заполошная кошка Енька перестает клянчить сладенького.

Благодушная, благословенная тишина! Лата уткнулась в мамину грудь, добывает молоко и смотрит маме в глаза, отлично понимая, что происходит, откуда в нее сейчас вливается такая же, как тишина вокруг, благодатная жизненная сила.

У Рафаэля есть картина: мадонна с младенцем. Она, как и все остальные мадонны, гениальная. Но отличается тем, что написана в круге! То есть Рафаэль тоже знал про этот божественный круг тишины вокруг матери и младенца. Как это, однако, здорово!

И вот... ну чего их понесло в эту Башкирию? Рано ведь! Латке девятый только месяц, а дорога в центр семейного отдыха и туризма не близкая. И погода в Башкирии непредсказуемая. То она знойная, то знобит от ее ветров и дождей. Понимаю – машины нынче, конечно, другие. В них и новорожденных можно катать от полюса до экватора, но... Центр этот, ну очень, как говорят, комфортный специально для родителей с детишками, но... Устали наши Миша с Машей – она в четырех стенах квартиры, он безвылазно в мастерской... но!

И печальное дело: мои эти ноканья подтвердились. Как только они прибыли в центр, Башкирия заугощала их до-

ждями. По-уральски серыми, почти осенними. Все десять дней отдыха они с короткими передышками поливали комфортные домики, аллеи, прекрасное озеро за окном и прекрасные башкирские сосны.

Даже в этом, насквозь промокшем отдыхе были плюсы. В центре, действительно, многие отдыхали с детьми, и у Латы были неожиданные интересные встречи, какие-то завязывались истории с такими же, как и она, карапузами. А ее родители не говорили хоть о делах, о ремонте, о деньгах... Ну и кормежка, слава Салавату Юлаеву, была отменной.

На десятый день погода встала. Выглянуло солнышко — и проводило моих отдыхальщиков восвояси. Хорошо хоть, что путь домой лежал через Елшанку — и мы провели вместе полностью солнечных почти два дня. Все были спокойно веселы. Лата моторно ползала по ковру и все порывалась удрать в траву, за кузнечиками, которых она преследовала своим боевым кличем: «Ий-а-а!».

Было так хорошо, что, когда они уехали, в моем зимовье, несмотря на тепло и солнце, стало хмуро, серо и знобко.

Удостоверившись, что они благополучно прибыли домой, я задумался о радостях и тяготах любви к ближним и не звонил им. Позвонила жена и тревожно сообщила, что у Марии по приезде открылся страшный бронхит. Ничего, в общем, страшного, но бронхит открылся. Башкирские дождики Машу таки достали. А Латка их и не заметила! Аппетит у нее держался на отличном уровне. Она продолжала жить счастливо, уверенная в том, что кормежка грудью, благодатная тишина и смотрение маме в глаза положены

ей по некому высшему закону (и так оно и есть!) и никогда не пройдут. То, что мама кашляет, конечно, досадно. Но, как говорится, война войной, а обед по расписанию. И вдруг — закон сломался, сгнил, расписание рухнуло! Ей вместо груди сунули в рот бутылочку с молочной смесью. Знакомую уже бутылочку по принятию соков и воды, но это же был час общения с мамой глаза в глаза, а не с бутылочкой, это был час благодатного, божественного круга. Мало что понимая, Лата вопросительно улыбалась, вглядываясь в мамино лицо. Мол, за что ты меня наказываешь? Что я не так сделала? А мама прижимала ее к себе и снова совала ей бутылочку. Смотрения глаза в глаза не получалось. А еще этот языковой барьер! На замечательном Латкином языке нельзя было объяснить, что маме приходится принимать антибиотики, а Латке их принимать нельзя.

Лата, видя, что ни ее просящие улыбки, ни заглядывания в глаза не меняют дела, ударилась в рев. И редела почти три дня. На третий — сдалась. Перестала отталкивать ненавистную бутылочку, мамины руки ее снова успокаивали. Но она как бы притухла, погасла немного.

На шестой день отлучения Мария не выдержала, отвергла антибиотики и восстановила божественный круг. Она поверила, что так поправится скорее.

Первое Латкино горе прошло. Прошел затем и бронхит. Но лишь через годы можно будет объяснить Лате, за что, вернее, почему ее в девять месяцев наказали вдруг лишением материнской груди и благодатного круга. Но это вряд ли будет нужно, ибо все печальное во младенчестве — забывается.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66